

О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ

© Е.М. РУЧИМСКАЯ,

кандидат педагогических наук

В статье рассматривается лексическая омонимия как результат двуплановости языка на лексическом уровне. Анализируются разные подходы к определению лексических омонимов. Делается вывод о необходимости обращения слушающего (читающего) к интуиции – лингвистической и экстралингвистической.

Ключевые слова: лексическая омонимия, двуплановая природа языка, план выражения, план содержания.

Омонимия и синонимия – чрезвычайно важные для понимания сущности языка явления. Омонимия – это совпадение плана выражения при несовпадении плана содержания. Синонимия – это совпадение (или чрезвычайная близость) плана содержания при несовпадении плана выражения. Из определения следует, что омонимия и синонимия возможны на тех уровнях языка, где присутствуют план выражения и план содержания, т.е. на морфемном, лексическом, грамматическом (синтаксическом) уровнях. На фонематическом (именно «фонематическом», а не «фонетическом», как иногда говорят) уровне эти явления принципиально невозможны, т.к. фонема обладает только планом выражения и не обладает планом содержания. То есть язык, в целом имеющий двуплановую природу, обладает ею не на всех уровнях. Двуплановы грамматический (синтаксический), лексический, морфемный уровни, а фонематический уровень не является двуплановым. По существу, это важнейший философский вопрос лингвистики (подробнее об этом в статье «Двуплановая природа языка» [1]).

Омонимию и синонимию можно подразделить на морфемную, лексическую и синтаксическую.

Так, морфемная омонимия имеет место, когда омонимичны морфемы. Это могут быть корни, например, «лес» – от слова *лес* (сущ., м.р., ед.ч.) и «лес» – от слова *леса* (сущ., ж.р., ед.ч.). Это могут быть аффиксы. Например, флексия *им* омонимична внутри класса прилагательных («синим пламенем» и «синим рубашкам»). Кроме того, флексия прилагательных *им* омонимична с глагольной флексией *им* («мы синим белье»).

Морфемную синонимию мы наблюдаем, когда синонимичны морфы. Например, идею сущ., м.р., ед.ч. в творительном падеже передают

следующие сочетания графем: *ей* (дядей), *ем* (героем), *ею* (дядею), *ёй* (судьёй), *ёю* (судьёю), *ой* (батьшкой), *ом* (квасом), *ою* (батьшкой).

Синтаксическая омонимия имеет место, когда омонимичны предложения. Интересный пример синтаксической омонимии на материале русскоязычного газетного текста приводила Е.В. Падучева: «Справедливые жалобы трудящихся также вызывают необоснованные требования излишних справок при поступлении в учебные заведения, ясли и детские сады» [2]. Так жалобы вызывают требования или требования вызывают жалобы?

Синтаксическая синонимия буквально пронизывает язык. Ведь одну и ту же мысль можно выразить множеством различных способов. В.И. Беликов и Л.П. Крысин приводят на эту тему такой пример: «Выполняя задание, будьте осторожны. – Когда выполняете задание, будьте осторожны. – При выполнении задания будьте осторожны» [3]. Мы можем сказать «Закройте, пожалуйста, окно», «Будьте любезны закрыть окно», «Если вам не трудно, закройте окно», и результат будет один – закрытое окно.

Однако когда говорят об омонимии и синонимии без уточнения, то чаще всего имеют в виду лексические омонимию и синонимию. О лексической синонимии мы писали [4]. В той статье мы показали неудачность терминов «экстансиональная синонимия» и «интенсиональная синонимия».

Теперь рассмотрим подробнее лексическую омонимию – совпадение плана выражения слова при несовпадении плана содержания. То есть лексическая омонимия – явление, обратное лексической синонимии.

Лексические омонимы не одинаково определяются разными авторами. (Хотя в определениях не употребляется слово «лексические», имеются в виду именно лексические омонимы.)

Первый подход:

«Омонимы (греческое *homos* – одинаковый, *опута* – имя) – это слова, одинаково звучащие, но различные по значению» [5];

«Омонимы – это слова, одинаково звучащие, но различающиеся по значению (греч. *homos* “одинаковый” и *опута* “имя”)» [6].

«Омонимы – это разные слова, имеющие одинаковый звуковой состав» [7].

Лексические омонимы – «слова, которые звучат одинаково, но имеют совершенно разные значения» [8].

«Омонимы... – это слова, одинаково звучащие, но совершенно различные по значению» [9].

В приведенных определениях говорится о различии в значении (А.А. Реформатский называет это «разные слова») и одинаковом звучании, и нет ни слова о написании. То есть по умолчанию рассматривается только устный вариант языка, а письменный не рассматривается вообще. По существу под такое определение подходят омофоны.

Второй подход:

«Омонимы... – разные, но одинаково звучащие и пишущиеся единицы языка» [10];

«Омонимами называются слова, разные по значению, но одинаковые по звучанию и написанию» [11];

Омонимы – «различные слова, совпадающие в звучании и написании» [12].

В этих определениях говорится о совпадении в звучании и написании, т.е. рассматриваются и устный, и письменный варианты языка.

Третий подход:

«...Под омонимической парадигмой понимается системная группировка одинаковых по *графической* (выделено мною. – *Е.Р.*) форме слов, семантически противопоставленных» [13. С. 84]. Этот подход самый неожиданный. Авторы говорят о группировке одинаковых по графической форме слов. Почему только по графической форме? А по звуковой? В такой трактовке получается, что под омонимической парадигмой понимается системная группировка омографов, а омофонов – нет. Это тем более странно, что, рассматривая синонимическую парадигму, авторы говорят о звучании и написании [Там же. С. 89]. Надо сказать, что с такой оригинальной трактовкой омонимической парадигмы мы столкнулись впервые. Чаще бывает наоборот (это отражено в первом подходе): омофоны под определение омонимов подходят, а омографы – нет. Лично мы придерживаемся второго подхода, т.е. считаем, что в определении омонимов должны учитываться и устный, и письменный варианты языка.

Не все обладают в достаточной степени лингвистической интуицией, чтобы понимать, когда имеет место лексическая омонимия. Вот пример. П.Н. Кононов в своей книге «Семь шагов к счастью» приводит случаи неправильных, как он считает, обращений, а в скобках – свои замечания, подчеркивающие, как он полагает, абсурдность обращения: « “Можно вас перебить (сразу двоих или по одному?)”»; “Хотите немного перекусить (перекусить можно, например, провода, а кусачки дадут?)”»; “Я вас не оторвала?” (одна пивяк спрашивает по телефону другую “Я тебя не оторвала?”)» [14]. «Перебить₁» (прервать разговор других людей, чтобы сказать что-то самому) и «перебить₂» (убить многих) – это омонимы. Почему П.Н. Кононов рассматривает только второй омоним? «Перекусить₁» (глагол совершенного вида, происходящий от глагола «кушать») и «перекусить₂» (глагол совершенного вида, происходящий от глагола «кусать») – это омонимы. Почему П.Н. Кононов рассматривает только второй омоним?

Что касается третьего примера, то здесь даже не омонимия, а употребление глагола в прямом значении (и только его почему-то рассматривает П.Н. Кононов) и в переносном, метафорическом, смысле (оторвать от дела). П.Н. Кононов, по-видимому, против всяких метафор вообще.

Такие люди в советские времена писали на радио: «Почему “Говорит Москва”? Разве у города есть органы речи?»

Итак, все вышеизложенное подводит к выводу, что проблема омонимии существует только для слушающего и читающего, который может выбрать разные значения омонима. Для говорящего и пишущего проблемы омонимии не существует: каждый раз он точно знает, в каком значении он употребляет слово, и может даже не вспомнить о существовании омонима. Конечно, когда кто-то задает вопрос: «Хотите немного перекусить?», то в его воображении не всплывают кусачки. Тут приходится полагаться на лингвистическую интуицию партнёра по диалогу, которая, как было показано выше, срабатывает далеко не всегда.

Впрочем, и лингвистической интуиции может оказаться недостаточно. Иногда для преодоления возможных недоразумений, вызываемых омонимией, приходится призывать на помощь экстралингвистические знания. Например, Ф.И. Шарков пишет: «Автор настоящей книги, общаясь по междугородному телефону с молодым аспирантом-заочником, в целях сокращения разговора, используя профессиональный сленг, попросил его привезти “рыбу” и обещал с ним обсудить исследуемые проблемы. Когда появился незадачливый ученик, на мой вопрос: “Привез рыбу?” он стал доставать из пакета вяленую рыбу. Тут-то стало ясно, что он меня не понял и никакого предварительного варианта диссертации (“рыбы”) у него нет» [15].

Мне довелось быть свидетелем почти такого же эпизода. Когда иногороднего соискателя спросили, есть ли у него «рыба» (предварительный вариант отзыва на диссертацию), то он развёл руками: «Вот жена говорила мне, что из Астрахани в Москву надо везти рыбу, а я её не послушал».

А вот случай, о котором рассказывает В.А. Спивак [16], имеет даже трагический оттенок. В суде разбиралось дело о причинении тяжких телесных повреждений. Произошло следующее: на стройку пришел работать выпускник средней школы, мальчик из интеллигентной семьи, не имевший представления о специфике такой работы. Его поставили подручным к опытному рабочему. Требовалось выпрямить стойку у балконного ограждения. Рабочий дал подручному кувалду, сам поддел ломом стойку и приказал: «Бей по ребру!». О других ребрах, кроме ребер человека и, может быть, животного, молодой подручный не имел представления. Не поняв смысла, он буквально воспринял приказ и «неумышленно нанес тяжкие телесные повреждения рабочему – кувалдой по ребрам».

Если в примерах, приведенных ранее («перебить₁» и «перебить₂», «перекусить₁» и «перекусить₂»), средний носитель языка скорее всего знает оба омонима и для выбора нужного должен призвать на помощь свою лингвистическую интуицию, то в последних примерах («рыба₁» и «рыба₂», «ребро₁» и «ребро₂») он может просто не знать о существо-

вании слова-омонима, и тут ему приходится обращаться к экстралингвистическим знаниям. Например, в последнем примере подручному следовало подумать: не странно ли, что человек просит ударить себя кувалдой?

Все изложенное в статье подводит к выводу, что лексическая омонимия – сложное языковое явление, которое еще ждет своих исследователей.

Литература

1. Ручимская Е.М. Двуплановая природа языка // Русская речь. 2011. № 2. С. 39–43.
2. Падучева Е.В. Об описании падежной системы русского существительного (Некоторые вопросы омонимии при машинном переводе) // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 108.
3. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М., 2001. С. 36.
4. Ручимская Е.М. О лексической синонимии // Русская речь. 2013. № 4. С. 46–49.
5. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. М., 1954. С. 57.
6. Современный русский язык: Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография. Лексикология. Фразеология. Словообразование. Морфология: Учеб. пособие / Под общ. ред. В.Д. Старичёнка. Мн., 1999. С. 90.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2001. С. 90.
8. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2003. С. 29.
9. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для студентов вузов. М., 2007. С. 66–67.
10. Советский энциклопедический словарь / Под ред. М.А. Прохорова. М., 1990. С. 939.
11. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учебник для вузов. М., 2002. С. 13.
12. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2005. С. 43.
13. Современный русский язык. Анализ языковых единиц: Учеб. пособие для студентов филол. фак. пед. ун-тов и ин-тов. В 3 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология и фразеология. Словообразование / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 1995.
14. Кононов П.Н. Семь шагов к счастью. М., 2007. С. 17.
15. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации: Учебник. М., 2004. С. 120.
16. Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб., 2001. С. 240.